

УДК 94(479)'' 18/1917''

Лазарян Сергей Степанович, Клычников Юрий Юрьевич

МУСУЛЬМАНЕ КАВКАЗА В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА

В данной статье раскрывается сущность религиозной политики российской кавказской администрации в годы наместничества князя М. С. Воронцова, которая преследовала, прежде всего, имперские цели и была направлена на скорейшее вовлечение Кавказа в систему имперской жизни.

Ключевые слова: государство, наместник, конфессии, исламизм, созидательное сосуществование, нравственное обновление.

Lazaryan Sergey S., Klychnikov Yuri U.

MUSLIMS OF THE CAUCASUS IN THE RELIGIOUS POLICY OF THE DUKE M. S. VORONTSOV

In this article the authors reveal the essence of the religious policy of the Russian-Caucasian administration in the years of the governorship M. S. Vorontsov, which persecuted, first of all, the Imperial goals and be directed at the soonest involvement of the Caucasus in the system of Imperial life.

Key words: state, vicegerent, confessions, Islamism, constructive coexistence, moral renewal.

В Российской империи как в многонароном государстве сложилась система многообразных вероисповеданий. В первой половине XIX в. наблюдалось юридическое неравенство между конфессиями, что воплощалось в их иерархической соподчиненности государственным структурам.

Государство активно вмешивалось в жизнь религиозных конфессий, приспособлявая их функционирование к собственным нуждам, контролируя не только право на осуществление конфессиональной деятельности на своей территории, но и право подданных на вероисповедальное самоопределение [1, с. 32–33].

Конфессиональная структура российского общества формировалась в условиях постоянного роста имперского пространства и вовлечения в него новых этнических контингентов, располагавшихся на её окраинах.

Большинство государственных мероприятий в организации религиозной жизни общества направлялись, прежде всего, на унификацию и централизацию в устройстве «религиозных общин мусульман и новообращенных христиан» [2, с. 251].

Стремясь упрочить свой контроль над деятельностью мусульманских подданных империи, государство в то же время старалось избегать конфронтации с ними.

Следует согласиться с мнением И. Л. Бабич, В. О. Бобровникова и Л. Т. Соловьевой, которые считают, что имперское правительство сильно изменило статус местных неправославных религиозных элит, а переустройство мусульманской организации региона и православное миссионерство составляли две оси правительственной религиозной политики [2].

Кавказ, долгие годы изнуряемый противоборством и ненавистью в ходе Кавказской войны, нуждался в нравственном обновлении, без которого трудно было надеяться переменить отношения между народами, населявшими Кавказский край, а также ввести отношения между русскими и кавказскими горцами в русло мирного и созидательного сосуществования.

Активно противодействовали российским усилиям в деле налаживания созидательных отношений между представителями различных конфессий турецкие эмиссары. Турки вели агрессивную исламскую религиозную пропаганду на Северном Кавказе. В стремлении подчинить жителей данного региона власти султана, ещё в 1826 г. из Анапы, бывшей в ту пору турецким форпостом на Черноморском побережье, были посланы в горы 24 эфендия, из которых к 1840-м годам оставалось в живых 8 или 10 человек. Впоследствии к ним постоянно прибавлялись муллы, прибывавшие из Кабарды и Дагестана, и, наконец, Хаджи-Мухаммед, Сулейман-эфенди, Мухаммед-Амин внесли в эту часть Кавказа мюридизм как учение [3].

Анапский комендант Хасан-паша «не щадил ни трудов, ни издержек и даже два раза прибегал к вооруженной силе для обращения жителей исламизму» [4, с. 234]. Хотя турки первоначально не достигли успеха в своем миссионерстве и были встречены со стороны горцев жестким отпором,

вынужденные отступить «в совершенном расстройстве, доходившем до бегства» [4, с. 234], исламизм постепенно распространялся и входил в жизнь горских обществ.

Вице-адмирал Л. М. Серебряков объяснял это тем, что успехам исламизма способствовали «частые торговые сношения жителей с турками, связи и родство с ними по бракам их с черкешенками, которые ежегодно вывозились в значительном числе на продажу в Турцию, а более всего мюридизм, соединивший религию с понятием о противодействии владычеству нашему на Кавказе» [4, с. 234].

Большую роль в распространении исламизма играло то обстоятельство, что приверженцами этого верования сделались уздени и другие, влиятельные среди горцев люди. Они способствовали тому, что вера эта «сделалась как бы отличительным признаком высшего сословия и порядочных людей», а «от слияния религии с политикою произошло то, что имя мусульманина стало уже решительным выражением политического образа мыслей и независимости горцев от русского правительства ... и священном долге вести непримиримую войну с христианами» [4, с. 234].

М. С. Воронцов принимал самые разнообразные и доступные ему по сложившимся обстоятельствам меры к тому, чтобы нейтрализовать пагубные последствия от деятельности исламских пропагандистов, но одновременно предостерегал от непродуманного и пагубного рвения среди русских. Отвечая на просьбу епископа Кавказской епархии Иеремии запретить строительства новых мечетей в аулах, он указал на то, что это имело бы не только неприятные, но гибельные последствия.

Кроме того, такие действия противоречили высочайшему требованию не допускать придания противостоянию с горцами религиозного характера. Император Николай Павлович ставил задачу «придать войне с Шамилем светскость, убрав её религиозный оттенок» [5, с. 432].

От кавказских начальников требовалось тщание и дипломатичность, оказание уважения «к муллам, мечетям и к вере ... чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведем духовную войну» [6, с. 394].

Следуя предначертаниям императора и добиваясь расположения местных горских обществ, князь М. С. Воронцов распорядился возвести вблизи укрепления Воздвиженского в чеченском ауле Чухкери мечеть [7, с. 452].

Однако скоро выяснилось, что горцы не захотели не только посещать эту мечеть, но и в гневе сожгли её, поскольку по незнанию или небрежению исполнители данного распоряжения, возводившие мечеть, побелили её щетками, сделанными из свиной щетины.

Открывшаяся ошибка была учтена, однако возведение мечетей русскими продолжалось, и делались новые ошибки. Возводились прочные здания с окнами и полами, что противоречило прежнему исламскому архитектурному стилю. Старые мечети, «выстроенные отцами и дедами», предпочитались «новым казенным, хотя бы они белились и не щетинными щетками» [8, с. 597].

Хотя усилия наместника в строительстве мечетей продолжались, и на это растрчивались немалые суммы денег, ситуация мало менялась к лучшему. Несмотря на такую наглядную пропаганду веротерпимости со стороны русских, бывшую доказательством того, что они покровительствуют мусульманам, всё перетолковывалось муллами, «которым суеверный и невежественный народ верит слепо» [8, с. 597].

Несмотря ни на что князь-наместник не терял надежды переломить развитие обстоятельств в свою пользу. Чтобы способствовать росту симпатий к русским среди горцев, князь М. С. Воронцов не жалел времени и сил. Тесное и продолжительное общение с чеченскими старшинами в укреплении Воздвиженском привело к переселению части семейств, в том числе весьма влиятельных, как, например, Маза, дяди наиба Дубы, под покровительство русских. Наместник считал, что «пример коих сильно действует и на прочих чеченцев, жаждущих, можно сказать, вообще избавиться от ига Шамиля» [9, с. 484].

Мусульманское духовенство в то время представляло серьезную политическую силу. Только в Чечне в 1837 г. было 310 мечетей, в Кабарде – 113, а в Дагестане к концу 50-х гг. XIX века – 1628 мечетей и 4 500 человек мусульманского духовенства [10, с. 58].

Потому игнорировать или настраивать против себя этот активный слой населения кавказских гор было большой глупостью, и виделось тем опаснее, что горцы «еще не совсем верят нашей веротерпимости» [8, с. 600].

В Петербурге хорошо понимали политическое значение мусульманского духовенства и старались привлекать его к сотрудничеству с имперскими властями. Начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии граф А. Х. Бенкендорф ещё в 1836 г. писал, обращаясь к подчиненным его ведомству кавказским чиновникам: «Класс эфендиев на Кавказе есть именно тот, от

привлечения которого произойти может польза, если не большая, то не меньшая приобретаемой силой оружия» [11, с. 42].

Для привлечения на свою сторону служителей исламского культа имперские власти прибегали к разного рода ухищрениям. За содействие русским «мухаммеданам» предоставлялись льготы, их награждали подарками, земельными участками, назначали большое жалование.

А. В. Авксентьев сообщает об известных случаях служения «царскому правительству» в Чечне мулл Абдул-Кадыра, Юсуп-Кади, Аббаса, Мустафы, Эльмурзы, Шемил-Хаджи [10, с. 60].

Князь М. С. Воронцов не упускал случая привлечь мусульманских духовных лиц к решению разнообразных задач, направленных на укрепление позиций России в Кавказском крае. Его заинтересованность в том была обусловлена ролью исламской доктрины, бывшей идейным знаменем, вокруг которого проходила мобилизация антирусских сил в ходе Кавказской войны.

Князь Воронцов использовал внутренний раскол в среде мусульман, чтобы ослаблять влияние имама на горский мир. Многие наблюдатели той поры, по мнению В. В. Дегоева, «касаясь главных движущих сил Кавказской войны», указывали на религиозный фанатизм, воплощавшийся в мюридизме, ставшим «краеугольным камнем государственной политики Шамиля» [12, с. 182]. Имам, по определению англичанина Дж.М. Макки, сумел «превратить войну сект в войну против общего врага – неверных русских, ненависть к которым стала синонимом любви к Аллаху и веры в Пророка» [12, с. 185].

Отмечая роль религии в имамате Шамиля, В. В. Дегоев указывает на то, что «религиозная пропаганда в имамате носила целенаправленный характер. Проповедовался не ислам вообще, а лишь то в нем, что годилось для использования в сугубо практических интересах» [12, с. 183].

Именно такой подход Шамиля к исламскому вероучительству предоставлял князю М. С. Воронцову шанс использовать против имама знатоков ислама, не принимавших вульгаризации учения Пророка. Здесь не следует думать, что наместник являлся сам знатоком ислама или был кровно озабочен сохранением чистоты этого вероучения. Он был таким же политическим прагматиком, каким был имам Шамиль. Разница между этими деятелями в данном случае состояла в том, что имам использовал ислам для мобилизации горских народов на борьбу с русскими, а князь Воронцов пытался использовать постулаты ислама для дискредитации имама.

Получив сведения, что Саид Араканский – известный ученый и богослов, учитель Гази-Магомеда – выступил против вооруженной борьбы горцев с русскими, доказывая, что сначала Гази-Магомед, а потом Шамиль неверно истолковывали тарикат и шариат, наместник приказал войти с ним в контакт и всячески, что будет в силах, содействовать данному богослову [13, с. 724].

Поощряя и отмечая полезную для русских деятельность Муллы Али Халафат-Оглы, находившегося среди непримиримых горцев, который, «когда лезгины, живущие на правом фланге Лезгинской линии, взволновались с появлением бывшего Елисуйского султана ... был весьма полезен генералу Бюрно и ... много содействовал к усмирению жителей и изгнанию возмутителя» [14, л. 1–1], князь Воронцов предпринял усилия, чтобы «исходатайствовать высочайшее утверждение сделанному назначению – награде золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте Мулле Али» [15, с. 381–382].

Помимо того, «наиболее ученые горцы, пользовавшиеся хорошою репутацией, не оставались без хлеба. Правительство обеспечило их, дав им должности с хорошим жалованием» [16, с. 61]. Примером здесь мог служить крымский муфтий Кади Эскер [17, с. 341], действия которого по реализации задания наместника были одобрены императором [17, л. 6–7].

Когда в 1846 г. один из главнейших поборников имама Шамиля Сулейман-Эфенди перешел к русским, то «вследствие ходатайства наместника Кавказского по высочайшему ... императорского величества повелению назначено производить пенсию из Государственного казначейства по 1825 рублей серебром в год. Вместе с тем с 1847 года дозволено Сулейману-Эфенди отправиться в Мекку на поклонение гробу Магомета» [14, л. 16].

Князь-наместник командировал чиновника своей канцелярии Н. В. Ханыкова, знавшего в совершенстве восточные языки, для проверки имевшихся сведений и сбора новых данных о положении дел в мусульманских провинциях Кавказского края.

На основании собранных Ханыковым сведений планировалось составить проект о положении мусульманского духовенства. Князь Воронцов в своем отчете в Петербург [9, с. 856–857] вместе с тем предупреждал о необходимости соблюдать в данном вопросе особую осторожность, ибо мусульманское духовенство «в малейшем каком-либо ограничении его прав видит намерение прави-

тельства стеснить мухаммеданскую веру, а это может подать повод к распространению столь вредного для нас фанатизма (мюридизма – *авт.*)» [9, с. 857].

Именно такой настрой исламских проповедников сильно влиял на способы и возможности сближения русских с горцами. Делу этому в немалой степени вредило и то, что несколько поколений горцев прожило в ненависти к русским, которая «до сих пор еще настолько велика, что все благодетельные меры правительства для достижения предложенной цели приносят пользу хотя и верно, но медленно» [8, с. 590].

Н. Августинович отмечал, что именно муллы стараются поддерживать в горах ненависть к русским, внушая, «что Книга Книг, без всяких обиняков к числу нечистых предметов причисляет ... всякий предмет, к которому прикасаются русские ... повредить русским, хотя бы самым вероломным образом, считают они добрым делом; резать хотя бы сонного – религиозным подвигом» [8, с. 591].

Действенной мерой противостояния распространению мюридизма и возможностью привлечь на сторону правительства мусульманских духовных лиц было, по замыслу наместника, учреждение «школ Омарова и Алиева учения» [9, с. 857].

Этим, по мнению М. С. Воронцова, закладывались начала, в результате которых можно было со временем приобрести хорошо образованных мулл, знавших русский язык и обязанных своим воспитанием правительству. Князь Воронцов считал, что они будут расположены к русским и постараются быть, по возможности, полезными интересам империи в крае [9, с. 857]. В 1849 г. было создано 8 духовных училищ, учеников которых готовили «внушать горцам доверие к русским» [10, с. 62].

Кроме того, в Тифлисе наместник поддерживал постоянные контакты с назначенным туда муджтехидом как главным лицом мусульман шиитского исповедания, что и было началом важного дела, требовавшего большой осторожности.

В то же время наместник вынужден был незамедлительно реагировать на появление в мусульманских провинциях Кавказа вышедших из Персии и Турции шейхов, проповедовавших учения, враждебные России.

Петербург внимательно следил за развитием этой ситуации. Военный министр князь А. И. Чернышев сообщал князю М. С. Воронцову волю императора, который собственноручно начертал на докладе министра: «Я полагал бы совершенно запретить въезд в пределы наши всяким лицам духовного звания, кто бы они ни были, даже нашим подданным, ежели они приняли духовное звание за границу» [9, с. 245].

Это указание переменяло отношение князя-наместника к муджтехиду Мирзе-Мамеду, который до этого времени получал по высочайшему повелению с 1843 г. из Тифлисской казенной палаты пенсию в 3 000 червонцев ежегодно до самой своей смерти, наступившей в 1852 г.

Муджтехид при жизни несколько раз обращался с просьбами к князю М. С. Воронцову об увеличении пенсии, но «просьбы сии оставляемы были его сиятельством без внимания» [9, с. 245].

Затем уже сын муджтехида Хаджи-Ага просил наместника выдавать ему пенсию, как он выдавался его отцу, дабы не допустить упреков, что «российское правительство забывает заслуги, ему сделанные, и дабы доказать персиянам, что награда за заслуги отца переходит и к детям» [9, с. 245]. Просьба эта также была оставлена без ответа.

Таким образом, следует отметить, что религиозная политика российской кавказской администрации в годы наместничества князя М. С. Воронцова в отношении местного мусульманского населения, хотя и преследовала имперские цели, а также была направлена на скорейшее вовлечение Кавказа в систему имперской жизни, носила взвешенный характер. Князь-наместник стремился контролировать развитие религиозных процессов не столько мерами принуждения и запретов (хотя и не избегал применять их), сколько активным направлением хода событий в приемлемое для всех участников русло. Местные обстоятельства и наличные силы определяли конкретные способы привлечения мусульман к сотрудничеству с российскими властями.

Литература

1. Кулиев Фарман Муруват-оглы. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2013. С. 32–33.
2. Бабич И. Л., Бобровников В. О., Соловьева Л. Т. Ислам и православное миссионерство в эпоху реформ и контрреформ // Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 251.
3. Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1994.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. С. 234.

5. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 432.
6. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века. Сборник документов. (ДГСВК). Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959. С. 394.
7. Левый фланг Кавказской линии в 1848 г. (продолжение) // Кавказский сборник. СПб., 1886. Т.Х. С. 452.
8. Августинович Н. По поводу статьи «О сближении русских с горцами на Кавказе» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 597.
9. АКАК. Т.Х. С. 484.
10. Авксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1984. С. 58.
11. Хоретлев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп, 1957. С. 42.
12. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: «Русская панорама», 2001. С. 185.
13. ДГСВК. С. 724.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1268. Оп. 2. 1847 г. Д. 628. Л. 1–1 об.
15. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. М.: Эхо Кавказа, 2005. С. 381–382.
16. Абдулла Омаров. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 61.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.846. Оп.16. Д.6582. Л. 6–7 об.; Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни... С. 341.

УДК 314.633

Мирошник Александр Николаевич

НОВАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В настоящей статье проведен анализ концепции миграционной политики на 2012-2025 г. Исследуется современный государственно-правовой механизм в реализации концепции миграционной политики в субъектах Российской Федерации. Конкретизируются концептуальные блоковые проблемы миграционной политики современной России, подходы к концепции ведущими специалистами в области миграции.

Ключевые слова: трудовые мигранты; концепция миграционной политики; поликультурное пространство; конфликтологический сценарий; интеграционный потенциал; миграционные потоки.

Miroshnik Alexandr N.

THE NEW MIGRATION POLICY OF RUSSIA: CONCEPTUAL ISSUES

The purpose of this article is to analyze the concept of migration policy for the period from 2012 to 2025. The authors explore the contemporary state legal mechanism to implement the concept of migration policy in the Russian Federation, concretize the conceptual block issues of migration policy in modern Russia, analyze the approaches of the leading migration experts to the concept.

Key words: migrant workers; concept of migration policy; multicultural space; konflikts script; integration potential; migratory streams.

Миграция в постсоветской России стала важным фактором демографического развития страны, одним из источников компенсации демографических потерь и дефицита трудовых ресурсов. В условиях модернизационных процессов в миграционной сфере обнаруживается целая совокупность проблем. Сегодня в условиях межэтнической напряженности актуализируется одна из наиболее дискуссионных проблем в области миграционной политики России – регулирование миграционных процессов.

В настоящее время в Российской Федерации сложились, как минимум, три ключевых противоречия в области миграционной политики. Первое противоречие заключается в том, что концепция регулирования миграции не соответствует концепции демографической политики, хотя первая должна органично вытекать из второй. Во-вторых, сохраняются нерешенные противоречия между федеральным и региональным уровнями миграционной политики. В сфере миграционной политики федеральные власти выстроили вертикаль, дающую возможность пресечения всяких поползновений субъектов федерации на самостоятельную миграционную политику. В начале 2000-х гг. на федеральном уровне особое внимание уделялось выстраиванию жесткой вертикали, должной адекватно воспринимать и транслировать президентские установки на миграционную политику. Регионы